

АННА ПОЛИТОВА

МУАР

Анна Политова

МУАР

«Издательские решения»

Политова А.

МУАР / А. Политова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963336-1

Муар имеет шёлковый характер. Какое отношение к нему имеет проза Анны Политовой? Насколько «шелков» авторский язык, шелком ли вышит жизненный путь каждого из героев, и шелковисты ли характеры, предстоит выяснить самим читателям. Муаровый же рисунок как нельзя лучше характеризует визуально эту книгу. Книга издана при финансовой поддержке Министерства культуры Российской Федерации и техническом содействии Союза российских писателей

ISBN 978-5-44-963336-1

© Политова А.
© Издательские решения

Содержание

Дом памяти	6
Бабушка и дед	7
Люся Быкова	10
Политовы	13
Дом памяти	16
Патроны	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

МУАР

Анна Политова

Редактор Нина Викторовна Писарчик

Корректор Нина Викторовна Писарчик

Иллюстратор Марианна Леонидовна Варфоломеева

Дизайнер обложки FUNdbÜRO

© Анна Политова, 2019

© Марианна Леонидовна Варфоломеева, иллюстрации, 2019

© FUNdbÜRO, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4496-3336-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дом памяти

Бабушка и дед

– Дом надо продавать, – знакомый голос, родные черты. Бабушка сидела у окна. На столе возле нее дымилась большая кружка с чаем. Любимый зеленый платок завязан на тугой узел под подбородком. Прямой, уверенный взгляд, как всегда, вдумчивый. В глазах – умиротворение. Я чувствовала, что ей, наконец-то, спокойно. И больше не больно...

Бабуля умерла пятнадцатого октября, вечером. Разумом я понимала, что все к тому идет. Болела она давно, но держалась за жизнь цепко – такой характер, сдаваться не умела. Потом приснилась мне после похорон. Спросила, почему не сделали гидроизоляцию – мокро лежать. А хоронили, и правда – полно воды было. Бабушка и там себе не изменила. Терпеть не могла халтуры. Всегда ругала за плохо уложенные дрова, невымытые плитусы, порезанную при копке картошку, подмоченное сено. Всю жизнь работала, спины не разгибая, и результат работы был для нее за счастье. Ну, а теперь, вот, приснилась – на кухне, за чаем. Может, мне просто хотелось увидеть ее такой умиротворенной, хотя бы и во сне... Кухню заливал солнечный свет. Его было так много, как бывает в жаркий полдень, когда глаза прячешь за ладонями, и везде желтые зайчики скачут, куда ни глянь. Сейчас он слепил глаза здесь, в доме номер пять по улице Октябрьской. И это было странно.

С самого детства не помню, чтобы здесь было солнечно и тепло. Дом пугал меня. Он казался огромным и жутковатым. Большие комнаты с широкими, высокими окнами, в которых почему-то всегда не хватало света. Я щелкала выключателем, и становилось спокойнее. Бабушка ругалась, что я транжирю электроэнергию, а я, нет-нет, и снова включала. Не могла иначе.

Сводил с ума большой темный коридор со встроенным шкафом, который почему-то был заперт на замок. Вечером, если нужно было перейти из комнаты в комнату, я не шла, а бегом проскакивала сквозь коридор. Сердце замирало, казалось, вот-вот, сейчас из шкафа вылезет что-то немыслимое...

Дом не терпел теплых рук и ног. Мерзли все, несмотря на русскую печь и печку-котел на кухне. Новенькие отопительные трубы густой сетью расходились по всем комнатам, но не грели. Как говорил дедушка, в них не было достаточной циркуляции воды. После строительства дом осел, и повело трубу, подводящую к котлу воду. Бабушка крепко ругала деда, что купил «холодильник». Он сильно переживал и божился, что все исправит, что нужно только время.

День, когда дед «выбил» в местном леспромхозе этот дом, стал одним из самых счастливых. Мы всей семьей – мама, папа, сестра и я – пришли его смотреть. Дед размахивал руками, показывая, какие большие здесь комнаты, гладил русскую печь, радовался, что теперь у него будет отдельный кабинет. Мы смеялись: «Дедушка, тебе-то зачем?». А он уже рассказывал, чего понастроит во дворе, какую заведет скотину, чтобы было все свое: мясо, молоко, яйца...

Дед слов на ветер не бросал. Буквально через пару месяцев поставили добротный хлев с сеновалом, баню, выкопали колодец, соорудили теплицу, дровяник, завели корову, козу, поросят и куриц. Забот, конечно, значительно прибавилось и у хозяйки дома. Но бабушка работы не боялась, по образованию была ветеринаром, обращаться со скотиной умела. В поселке почти каждая семья держала корову либо козу, да еще в леспромхозовском подсобном хозяйстве имелись конюшня и свинарник, довольно большие. Поэтому бабушка каждый день бегала по вызовам: у кого корова отелиться не может, у кого поросята заболели... Бабуля хватала свой небольшой зеленый чемоданчик и мчалась на помощь. Быстро-быстро перебирала ножками, сама вперед всем телом наклоняясь, ей казалось, так скорее получается. Росточком маленькая, худенькая, шустрая. Все в поселке знали ее фирменную походку. Издалека узнавали: «О, Николаевна бежит!». Работала она ветеринаром очень долго, пока силы были.

Подходило время холодов, и дед с работы во дворе переключился на дом, занялся отоплением. Призвали мастера, порешали, как все поправить, но дело это было нескорое. А в комнатах уже появилась новая мебель, на окнах – красивые шторы, холодный пол закрыли мягкими дорожками и коврами, купили цветной телевизор (тогда это было еще в новинку). Бабушка смотрела его редко, и это было целое событие. Она брала табуретку, ставила посреди комнаты, напротив телевизора, надевала очки и очень внимательно смотрела новости или «Поле чудес». Временами громко смеялась. Такое вообще с ней бывало редко, но, если уж захохочет – надолго и до слез на глазах. А дед обычно сидел в кресле и улыбался ее радости.

Все новое, что он приносил в дом, бабушка сначала вышвыривала в коридор или на веранду, потому что «нечего деньги зря тратить», чтобы «уносил туда, где взял». Дед смеялся. Телевизор вообще сначала не разрешала включать. Стоял, пылился месяц... Просто она не терпела никакой роскоши, любила жить по-простому. Дед это знал, поэтому обновки после «выброса» прятал, выжидая время, а потом, втихую, снова приносил в дом. Так вещи здесь постепенно и приживались. Все шло своим чередом. Но потом... очень изменилось, да так, будто никогда и не бывало хорошо.

Теперь я часто задумываюсь, был ли дом, и в самом деле, таким уж неудобным и пугающим? И понимаю, что все мои смутные ощущения, искаженные страхом воспоминания – результат горестных событий, пережитых когда-то. Мне кажется, любой человек более склонен помнить плохое и сильнее чувствовать боль, чем счастье. Оттого даже самое светлое теряется в нашей памяти, уступая место темноте, холоду и печали.

Конечно, стены дома номер пять видели радость. Не раз по комнатам разлетался детский смех – трех любимых внуков. Особенно на Новый год, когда в зале дедушка ставил огромную елку. Искренне умилялся нашим восторженным взвизгам и крикам, подсовывая под елочку подарки. «Наша елка выше звезд!» – радовались мы. А он задаривал нас куклами, платьями и конфетами. Бабушка прятала сладости в шкаф, чтобы «не портили себе зубы», откуда мы тайком их потаскивали. Ругала деда, а он лишь смеялся и никогда ей не перечил.

Для меня он всегда был большим человеком. Не потому, что высокий ростом, широкоплечий и крепкий. Хотя и этого у него не отнять. Просто по ощущению. Дед обладал бешеной энергетикой. Он всегда спешил, не прощая себе потерянного зря времени. Меньше слов, больше дела – это про него.

Из детства я помню утро, когда проснулась в своей кровати и не смогла открыть левый глаз. Мама пыталась поднять веко пальцами, я редела, было больно, страшно. И вот прибежал дед. Он в тот же день достал машину и повез меня в районную больницу. Там глаз открыли, и выяснилось, что он сильно воспален. Лечили долго и не раз говорили, что если бы промедлили, привезли позже, девочка – я – могла бы и ослепнуть.

В нашем поселке дед занимал должность заместителя директора леспромхоза по подсобному хозяйству. Ведал закупкой и доставкой продовольствия, жилищно-коммунальным сектором. Занимался подсобным хозяйством не только нашего поселка, но и близлежащих деревень, относившихся к местному леспромхозу. Под его руководством построили новую подъездную дорогу к поселку, дома для жителей, большую теплицу, коровник, ремонтировали котельные. Знаний для этого требовалось немало. И он черпал их отовсюду с огромной жадой.

В зале вдоль стен стояли длинные и высокие стеллажи с книгами. Здесь можно было найти все: от справочника по строительству и ремонту дорог до энциклопедии по разведению новых сельскохозяйственных культур. Системы отопления домов, устройство двигателей тракторов, бухгалтерский учет, анализ и аудит – все можно было тут отыскать. Книги по истории, географии, экономике и, конечно, огромное количество художественной литературы. Именно здесь я прочла «Трех мушкетеров» и «Королеву Марго» Дюма, «Преступление и наказание» Достоевского, «Анну Каренину» Толстого. Читать в доме номер пять любили. Тут всегда выпи-

сывали журналы: «Наука и жизнь», «За рулем», «Крестьянка». Дед собрал огромную библиотеку. Его интересовало все новое, даже мода.

В так называемом «кабинете» стояли два больших шкафа с огромным количеством шляп, галстуков и костюмов. Дед любил представительно выглядеть, был большим аккуратистом. Не позволял себе ходить небритым или нестриженным, в грязной обуви. Мы с сестренками потрошили его шкафы, надевали шляпы, галстуки, устраивая по вечерам, когда он приходил с работы, показы мод. Он аплодировал каждому выходу и смеялся.

Когда ему было легко на душе, он пел. Очень любил частушки. Как запоем да запритопывает, мы с сестрами в смех: «Дедушка, не пой! Ты не умеешь!» – а сами только и ждали, чтобы он начал. Игра у нас такая была. Дед поддерживал все наши затеи. Восхищался нашими каляками-маляками, придуманными танцами, но особенно любил играть с нами в шашки и шахматы. Очень хотел, чтобы мы выросли умными, и всегда гордился нашими успехами.

– Дедушка, ты кого больше любишь, меня или Наташу? – часто спрашивала я.

– Всех люблю, вы же внучки мои, как иначе...

В поселке деда уважали, с любой проблемой шли к нему, и он помогал. Возможность работать, быть полезным для него являлось смыслом жизни. Ради дела и для людей он не жалел ни времени, ни сил. Всегда старался поступать честно, по совести. Именно это и стало самой большой трагедией его жизни и жизни нашей семьи.

Люся Быкова

Семнадцатого января 1937 года в семье купеческой дочери Марии Николаевны Быковой, в девичестве Шлоповой, и Быкова Николая Степановича, священнослужителя, родилась долгожданная первинка – Людмила. Событие было особенное, значимое. Марии на тот момент было уже тридцать шесть лет. Замуж она вышла, по тем временам, поздно, в тридцать четыре. И в прошлом имела судьбу нелегкую, о чем вспоминала с великой грустью, а была она родом из Малой Пучкомы Удорского района, нынешней республики Коми.

В купеческой семье Николая Никитича и Ольги Филиппьевны Шлоповых было шесть дочерей (Александра, Агния, Мария, Клавдия, Анна, Августа) и сын, Александр. Столько же умерло во младенчестве. Должной медицинской помощи не было – слабые не выживали, особенно мальчики.

Крепкий зажиточный дом, построенный Николаем Никитичем, стоял на краю Малой Пучкомы. Всей семьей вели большое хозяйство. Держали четырех коров, столько же лошадей, около тридцати овец и сотню оленей. Батраков не имели, работали семьей. Потому и не отдавал отец своих работающих дочерей замуж. Не раз слышал: «Солить, что ли, девок-то своих будешь?».

Оленье стадо пасли ненцы. Летом угоняли к Белому морю, а зимой держали на вашкиных беломошниках. Во время страды сезонные работники сами приходили на сенокос и на жатву. По воспоминаниям дочери Александры: «Только рожь и пшеницу на пятьдесят овинов молотили. А про лен и сказать трудно, бескрайние поля...».

Зимой торговал Николай Никитич на Печоре, Мезени, Вашке мясом, полотном и привозным товаром из Петербурга. Ольга Филиппьевна с дочерьми долгими вечерами шили одежду, вязали, ткали на станках льняные полотна, вышивали полотенца. Марии Николаевне в дальнейшем это умение очень пригодилось. По воспоминаниям односельчан из Стеглянки, «обшивала она всю деревню». Умела сделать быстро и аккуратно, «шовчик к шовчику».

Семья Шлоповых первая в Пучкоме попала под раскулачивание. Это случилось осенью 1934 года. Николай Никитич успел скрыться в лесной избушке на реке Ежуга. Ольга Филиппьевна осталась дома, надеялась, что не тронут, но ее, вместе со всем скарбом, изъятым из дома, заперли в чужом сарае, где она сильно простудилась, заболела и смиренно ждала смерти. Потом допрашивали люди из НКВД, искали мужа и детей, вбивали под ногти иголки. Она молчала. Все дети, кроме Александры, проживавшей со своим мужем в Муфтыге, ночью успели уплыть на плоту вниз по Вашке. И разъехались, кто куда: Агния оказалась в Нарьян-Маре, Августа – на Украине, в Виннице, Клавдия вышла замуж за военного и уехала в Германию, вернулась в Россию только в девяностые годы и жила в Волгограде. Анна с братом Александром попали в концлагерь «Воркуталаг», пять лет строили железную дорогу Воркута-Лабитнанги. После лагеря Анна и брат Александр вернулись в родные места.

Александра, узнав о доле матери, запрягла лошадь в сани и помчалась в Малую Пучкому, пробралась в сарай через хлев и вынесла маму на руках. Ольга Филиппьевна была уже без памяти. В Муфтыге Саша спрятала маму в коровьих яслях, выходила ее свежим молоком да настоями из трав. Николай Никитич продолжал скрываться в избушке на Ежуге. Александра бегала туда ночами на лыжах, тридцать километров туда и обратно, приносила еду. Но нашлись люди, что выдали-таки ее родителей властям. Вместе они попали в концлагерь «Нижний Чов». Ольга Филиппьевна вскоре ослепла, ее освободили, и каким-то чудом она смогла вернуться в Муфтыгу к Александре. Полгода добиралась. Но пожила потом недолго, умерла в 1949 году. Николай Никитич скончался в лагере в 1942. Те тяжкие годы изредка потом вспоминала Александра, но, если уж заговаривала, то без злобы и ненависти, повторяла только: «Землю жалко, отдали лентяям. Никто не обрабатывает».

Марию Николаевну судьба определила в деревню Стеклянку Грязовецкого района Вологодской области. Не было дня, чтобы она не грустила и не плакала по родителям, брату и сестрам. Надо было как-то жить дальше. Все купеческие дочери Шлоповы были крепкими, так как были приучены и к мужской, и к женской работе с малолетства. Трудолюбивая, видная, с густой длинной косой, Мария приглянулась местному священнослужителю Николаю Быкову. Объединила их с Машей и непростая судьба.

Тринадцатого марта 1931 года по обвинению в «контрреволюционной агитации и участии в контрреволюционной группировке церковников» студент Великоустюгского политехнического техникума Быков Николай Степанович был арестован. На тот момент ему было двадцать восемь лет. Осужден был двадцать восьмого ноября сроком на три года. Родом Николай был из деревни Титово Подосиновского района, нынешней Кировской области, но после освобождения осел вблизи Вологды. Поженились Николай Степанович и Мария Николаевна без особых празднеств. Первая беременность была неудачная, поэтому рождение Людмилы в 1937 году стало настоящим чудом в их семье. Затем появились сыновья, Михаил в 1938 и Александр в 1940. А потом началась война.

В 1941 году Николай Степанович был определен в 289-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк, попал на Ленинградский фронт, в блокаду. В 1943 году получил ранение, лечился в госпитале. Пятого августа того же года награжден медалью «За оборону Ленинграда». После возвращения с фронта чувствовал себя неважно, здоровье было подорвано, как вспоминали родственники: «осталась одна кожа да кости». Стал работать бухгалтером да растить детей.

Люся с детства отличалась характером боевым. Никто ей был не указ. Настоящая задира, нисколько не уступала братьям, была даже более норовиста. Мария Николаевна говорила: «Вся в нашу породу, в Шлоповых». Как и мать, с детства Людмила была приучена ко всякой домашней работе. Жили по-простому, заработки были небольшие. Люся помогала маме шить. За работой Мария Николаевна рассказывала о своей жизни в Пучкоме, о том, какие они водили с сестрами хороводы, как выходили в парчовых нарядных сарафанах, с разноцветными лентами, вплетенными в тугие косы, в городских ботиках. Баловал нарядами своих дочерей купец Шлопов. За воспоминаниями заводила Мария Николаевна песни зырянские, долгие, горестные, или пересказывала памятное из книг, которые отец читал когда-то вслух по большим церковным праздникам. Был Шлопов Николай Никитич человек верующий и детей своих так воспитывал. «Все от Бога», – говорил он. Даже новую власть приветствовал, молился за нее. Хотя и не вступил в колхоз, оставался единоличником. Много рассказывал Николай Никитич детям о житии святых, как разумный человек, знал и верил, что есть нечто высшее, бесконечное. Оттого и Мария Николаевна воспитывала в своих детях веру в Бога, в чем муж, Николай Степанович, всегда ее поддерживал. Даже спустя много лет, в лесном поселке, в котором никогда не было церкви, Люся, уже замужняя, будет каждый вечер молиться перед маленькими иконками, стоящими в шкафу в доме номер пять по улице Октябрьской.

А между тем пришло время учебы в школе, но в Стеклянке ее не было, потому ходить приходилось за восемь километров в Вохтогу. Люся ничего не боялась – маленькая росточком, шустрая, в любую погоду бежала в школу. Учиться она любила. А особенно – читать. Из-за парты ее первое время вообще видно не было. Учителя с улыбкой подкладывали ей подушечку на скамейку. Одноклассники дразнили за маленький рост. Но Люся в обиду себя не давала, любому парню могла наkostenить, чем вызывала у них уважение и интерес к себе. А те, кто постелее, провожали до дома, носили портфель.

Русые кудряшки, курносый нос, зеленые глазищи и ямочка на подбородке. Люся росла девчонкой видной. Но никого к себе не подпускала. Была очень требовательна к себе и к другим. Говорила всегда прямо, что думала, смотрела в глаза смело, цепко. Не выносила лени, пьянства и безделья. Сама в рот капли спиртного не брала и братьев за это осуждала.

После школы Люся поступила в Вологодский ветеринарный техникум. И на последнем курсе случилось то, чего сама не ожидала. Влюбилась. По происхождению он был немец, и совсем не похож на деревенских парней. Умел ухаживать, был начитанный, интересный. Узнав про увлечение Люси, Мария Николаевна очень разгневалась, да и Николай Степанович, конечно, не поддержал. Люся перечить родителям на этот раз не стала, так как случай был особенный, и к немцам отношение было настороженное. Да и подошло время распределения, ее направили работать в деревню Анисимово Великоустюгского района Вологодской области. Она и поехала, пытаясь спрятаться от переполняющего чувства, чтобы никогда о нем больше не вспоминать...

ПОЛИТОВЫ

Деревня Анисимово расположилась вблизи реки Стрельна. Ее правый берег именно в этом месте гулял: то высокий и холмистый, с крутыми обрывами, то пологий и заболоченный. Так и разделилась деревня на две большие части: высокую и низкую. Верхнее Анисимово было административным центром Стреленского сельского поселения. Оно включало тринадцать населенных пунктов, в том числе и Нижнее Анисимово.

Красота вокруг была особенная, удивительная своим многообразием. Бесконечные поля сменялись березовыми рощицами и молодыми ельниками. За болотистыми низинками – крутые холмы и угоры. В местах, где берега высоко вздымались над Стрельной, прорисовывались идеально ровные линии напластований, различных по цвету и толщине. Они этакими песчаными исполинами вздымались над рекой. На отмелях вода была настолько прозрачной, что в солнечный день можно было разглядеть тени рыбок на дне.

Не уставали восхищаться своей деревней анисимовцы. А жителей в те времена было немало, с учетом близлежащих населенных пунктов. В деревне располагалась двухэтажная школа-семилетка, интернат, сельский клуб. Было в хозяйстве несколько крупных ферм с коровниками и телятниками, несколько свинарников, конюшня, работала мельница.

Молиться ходили в огромную трехэтажную церковь Богоявления Господня, полностью построенную из кирпича. Работали на фермах да на полях, выращивали пшеницу, рожь, ячмень, картофель, заготавливали сено. Лес запасали только для себя, на топливо и строительство, леспромхоза не было. Проживали в основном в бревенчатых избах. В одном из таких деревенских домов, построенном за пять лет честного учительского труда, и проживала семья Политовых.

Хозяин, Александр Алимпьевич, был родом из села Лена Ленского района Архангельской области. В 1932 году, в возрасте девятнадцати лет, он закончил Великоустюгское педучилище, после чего был направлен на работу сначала в Красавинскую фабрично-заводскую семилетнюю школу, а через полтора года – в Стреленскую неполную среднюю. Так и оказался в деревне Верхнее Анисимово. В местной школе Александр Алимпьевич преподавал сорок лет, за что был удостоен звания «Ветеран труда».

Примерно в то же время из деревни Мохча Ижемского района (Коми) в Стреленскую школу был направлен Мохнатых Алексей Георгиевич. Приехал он с женой Анной Михайловной и дочерью Анечкой. Так и произошло знакомство Александра Алимпьевича сначала, по работе, с Алексеем Георгиевичем, а затем с его семьей. Юная красавица Анна Алексеевна отличалась веселым нравом и мечтала стать артисткой. Любила читать стихи, петь и танцевать и была натурой влюбчивой. Алексей Георгиевич дочь очень строжил, шагу ступить не позволял, без его ведома. Но, прознав про симпатию к ней Александра Алимпьевича, к которому уже проникся уважением, противостоять их союзу не стал. Свадьба состоялась двадцатого июня 1936 года. А в 1938, второго августа, родился первенец – Владислав Александрович Политов. Всего в семье появилось восемь детей: пятеро сыновей (Владислав, Юрий, Александр, Павел, Леонид) и дочери Тамара, Татьяна, Наталья. Разница в возрасте между старшими и младшими получилась большая. А все потому, что шесть лет жизни Александр Алимпьевич проведет на войне.

Десятого октября 1939 года он был призван в Финскую компанию, а затем, приняв присягу при первой Рязанской высшей офицерской школе ночных экипажей ВВС КА, служил, в должности старшего сержанта, оперативным дежурным по наземному обеспечению самолетов. Награжден медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне» 9 мая 1945 года и «20 лет победы в ВОВ» от 7 мая 1965. Самым тяжелым, по его словам, испыта-

нием было, когда: «вечером разговариваешь с человеком, перед его вылетом, а утром – все, его уже нет».

По возвращении с войны Александр Алимпьевич продолжил учительскую деятельность и занялся строительством дома (до этого семья жила в школьном интернате). Вместе с домом обзавелись хозяйством: корова, поросята, тринадцать овец, куры. Сена заготавливали много. Себе, по закону, оставляли лишь часть, остальное отдавалось совхозу. Анна Алексеевна подрабатывала, где возможно: учителем начальных классов, воспитателем в детском саду. Не боялась работы, лишь об одном жалела, что не вышло поступить на актерский факультет. Раннее замужество, дети, война... так сложилось. Зато в местном клубе была главной артисткой. Выступала на всех мероприятиях: читала стихи, играла в спектаклях, пела. Несмотря на трудную жизнь, не растеряла природного обаяния.

Из воспоминаний дочери Натальи: «Собиралась на выступления, как на праздник: надеет юбку бархатную, перчатки цветные, их надушит, надушит... Стихи читала – так проникновенно, в зале плакали. Мы, малышня, у самой сцены стояли, за ее край держались. Я всегда за маму переживала очень, чтобы не забыла слова».

Александр Алимпьевич закончил заочно педагогический институт. В деревне его уважали. Часто в доме собирались посиделки, до пятнадцати человек приходило. С Александром Алимпьевичем за удовольствие было поговорить – любую тему мог поддержать, умный да начитанный. Но, и рукастый – клал отличные печи, до сих пор стоят, по заверениям односельчан.

Дети от родителей не отставали. Учились хорошо. Старший, Владислав, закончил Великоустюгский политехнический техникум. К знаниям всегда тянулся, но характер имел непростой. Чуть что – не по его, заводился с полуборота. Почти во всех деревенских драках участвовал. Анна Алексеевна никак не могла сына уговорить, энергии у него было через край. Пока...

В Верхнем Анисимове появилась «новенькая». Парни ее обсуждали, говорили, что «с характером», запросто не подойдешь. Владислав посмеивался: «Слабаки!». А потом увидел и пропал. Не до гулянок, с драками, стало. Только она и заполнила все его помыслы. А местные Люсю Быкову сразу предупредили, чтобы с Владиславом Политовым не связывалась. Мол, симпатии он меняет быстро – сегодня гуляет с одной, а завтра поет частушки уже другой. Поэтому Люся его сторонилась и на все предложения познакомиться отвечала отказом. Что Владислава просто-таки выводило из равновесия.

Но он не сдавался. Ухаживал долго. Наверно, это Люсе и понравилось. Активный, настойчивый. Да и внешне был парень видный: высокий, плечистый, голубые глаза, выдающийся мужественный подбородок. Но оборону Люся держала крепко. Дошло до того, что Владислав явился к ней с предложением выйти замуж. А она, конечно, отказала. На что он громко заявил: «Не выйдешь за меня, пойду и повешусь на той березе!». И получил ответ: «Иди и вешайся!». И пошел... Анна Алексеевна прибежала к Люсе, причитая, чтобы та соглашалась, а то: «он, дурак, и правда повесится!».

Поженились Владислав Александрович Политов и Людмила Николаевна Быкова восьмого мая 1960 года. До последнего она сомневалась в выборе, переживала из-за взрывного характера будущего мужа. Но, как оказалось, зря. Благополучие семьи для него было особой ценностью. Ради этого мог забыть свою гордость и собственное самолюбие.

1963 год для молодой семьи начался с перемен. Владислава направили работать дорожным мастером в один из ближайших леспромхозов. Вместе с Люсей и двухлетней доченькой Олей переехали они из Верхнего Анисимова в небольшой лесной поселок Ломоватка Великоустюгского же района. Его история началась еще в 1937 году, когда заключенные ГУЛАГа, строившие Северо-Печорскую железную дорогу, возвели здесь первые бараки. Заготовка леса началась в 1954, а в 1956 по новой дороге из железобетонных плит стали вывозить его на комбинаты по переработке. Ломоватский леспромхоз образовался в 1958 году. И жизнь

в поселке закипела. Появились ясли-сад, школа, клуб, баня, магазины, пекарня, стадион, больница, жилые дома и кочегарки. Завелось подсобное хозяйство: конюшня, свинарник, коровник и теплица. Валка леса шла полным ходом. Бывшие болота осушались для складских площадок, закупалась новая техника. Вскоре леспромхоз одного из самых удаленных районов Вологодской области вышел в региональные лидеры по лесозаготовке. И потянулись сюда рабочие со всех близлежащих земель. Политовы, как приехали, поселились в доме-восьмиквартирнике на улице Карла Маркса. Жили дружно. Владислав жену очень берег, переживал за ее здоровье. Еще на старом месте приключилась беда. Первая беременность Люси была неудачной. Случай оказался тяжелый, повезли в районную больницу на телеге. Чудом успели. Оперировали экстренно, не дожидаясь, пока подействует наркоз. Владислав бегал в больницу чуть ли не каждый день, пешком или ловил попутки. С той поры он всегда за нее волновался. Пойдет ли она по вызову на соседнюю улицу, или поедет в районный центр с отчетом, всегда старался проводить, а потом встретить.

В 1966 году в семье Политовых родился сын Валерий. Владислав успел уже отслужить в армии. Перебрались в квартиру на улице Железнодорожной, 14, там места было побольше. Владислава назначили директором жилищно-коммунального хозяйства, а потом добавили в нагрузку подсобное хозяйство и еще дорожное. Причем не только в Ломоватке, но и в близлежащих деревнях Пихтово и Илатовское. Люся во всем поддерживала мужа. Надо собрать работников на сенокос – обезжит весь поселок, глядишь, народу уже целый автобус. Сама с ними работала, за день не присаживаясь. Дома всегда ждал мужа суп из русской печки, наваристый, в чугушке. Горячая картошечка с маслом, любимое Люсино блюдо. А какие она пекла шаньги! Да если с парным-то молочком...

О муже говорила Люся только с уважением, называла Владиславом Александровичем. Дома, конечно, бывали у них и конфликты. На компромиссы она шла с трудом, всегда было собственное мнение, с которым не поспоришь. Особенно, когда речь шла о спиртном или о гулянках. Ругалась Люся крепко, если Владислав выпьет где. Держала мужа в ежовых рукавицах, потому употреблял он алкоголь очень редко, если уж совсем по особенному поводу.

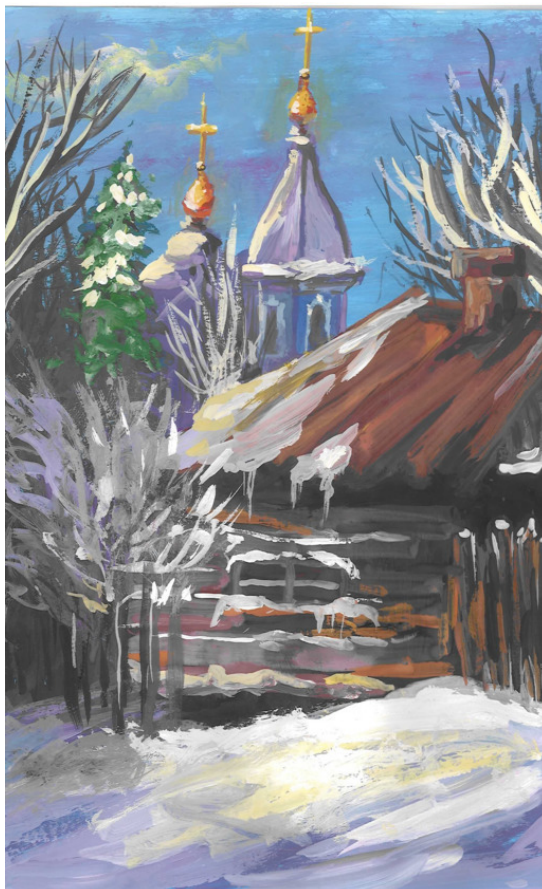
Был случай, что пришел в гости сват, принес водочки, так вылетела эта бутылка в открытую форточку со свистом. Люся церемониться не стала и с родственником – за такую провинность домой отправила.

Она вообще была прямолинейной, говорила, как думала. К достойным людям была великодушна, к родным – в первую очередь – требовательна. Всей душой желала своим близким счастья, но, не щадя, ругала за проступки и слабости. Не терпела несправедливости. Могла и поколотить обидчика. Раз ночью Люся увидела, как с огорода местный пьяница тащит ее капусту. Догнала и огрела веником, так что тот сворованное бросил, да через забор сиганул, да бежать. Мужики в Ломоватке уважали ее за боевой характер и даже побаивались. Не терпела, если кто против мужа ее чего говорил, всем рот могла закрыть, за словом в карман не лезла.

Ходила Люся всегда попросту, лишь по большим праздникам, если шли с Александровичем в гости или в клуб, могла красиво нарядиться. Но за его внешним видом особенно следила. Чтобы всегда выглядел опрятно.

Так и жили Люся и Владислав, более разные, чем похожие. Но уважали и берегли друг друга. Дорожили семьей, ради ее благополучия делали все возможное. Время бежало, дети подросли. Оля вышла замуж и родила девочку, назвали Наташей. Валера женился, появились у Владислава с Люсей еще внуки, Аня и Женя. Захотелось Александровичу большой дом, чтобы собираться всей семьей. В леспромхозе выбил именно такой, как задумал – этот, на Октябрьской, и не было тогда человека счастливее его...

Дом памяти

Девяностые в Ломоватке с самого начала ознаменовались переменами. Основное предприятие поселка преобразовали в акционерное общество открытого типа «Ломоватский леспромхоз». И закрутилось все в обратную сторону. В первую очередь избавились от коровников, свинарников, конюшен и теплиц. Зачем с подсобным хозяйством возиться – «нерентабельно». Отделили жилищно-коммунальное хозяйство. Им теперь ведала местная администрация, причем без всякой материальной базы и обеспечения. Закрыли столовую для рабочих, следом магазины. Оставили один, в котором все разбиралось в день завоза. Но, если в торговле положение постепенно поправилось – активизировались частники, то в остальном только усугублялось. Начались сокращения с работы.

В леспромхозе толки шли о перераспределении должностей. Владислав Александрович на тот момент отработал уже около тридцати лет. И все знали его, как человека прямодушного. Конфликтовать не любил, но, волей-неволей, приходилось: должность была управленческая, ответственность большая. Старался все сделать на совесть. А иначе – зачем и начинать, если халтура получится? Человек старой закалки. Хозяйство подведомственное у него большое, а значит, и людей, с кем приходилось договариваться, тоже много. Не со всеми во мнениях сходился, а особенно – с лодырями и нечистыми на руку. Был у него конфликт с человеком, ответственным за поставку продовольствия. В поселке знали, что не все, что привозится, на прилавках появляется. Высказывался Политов по существу, и было неважно, кто перед ним – рабочий или начальник...

В один из дней стало известно, что должность его сокращают. С одной стороны – понятно, раз от подсобного хозяйства отказались, с другой – могли бы дать доработать до пенсии, предложить другое место в леспромхозе. Сколько он отдал сил и времени этому предприятию! И отдавал бы дальше, если бы позволили: здоровье было, желание работать – огромное. А его просто «убрали», раз не всем был угоден. Правда, вскоре ему предложили работать начальником жилищно-коммунального хозяйства, чтобы в народе не было кривотолков. Загвоздка лишь в том, что организовано все теперь было иначе. Новый документооборот. На любые работы, будь то доставка материалов или ремонт крыши, забора, нужно сначала добиться выделения денег у администрации, потом взять на подряд технику, в аренду – инструмент. А это все дело небыстрое. В запасе у ЖКХ ничего нет – никакой производственной базы. Все осталось в леспромхозе. Тем не менее, Владислав Политов согласился, без работы сидеть он не мог. Пытался выполнять обязанности без каких-либо средств. Начал выносить из дома все, что могло пригодиться на работе, даже гвозди. Людмила Николаевна очень переживала. Бегала разбираться в леспромхоз, к директору, но без толку, все же было по закону. . . На то, что выносил из дома, закрывала глаза. Знала, что по-другому никак. А потом произошло непоправимое. Он перестал понимать то, что ему говорили. Вроде бы и слышит, и кивает, отвечает, но сам где-то не здесь. Случился микроинсульт. Со временем становилось все хуже. Из ЖКХ его уволили, до пенсии не доработал два года.

Дедушка все больше лежал и молчал. Силы покидали его. Пытались бороться, лечить, но врачи разводили руками. Очень трудными были те годы для нашей семьи. Бабушка плакала каждый день. Старалась, чтобы дед продолжал жить и чувствовал себя полноценным. Когда он перестал ходить, закидывала его руки себе на плечи и на спине несла на кухню, чтобы мог кушать, как привык, за столом. . . Я разговаривала с ним, как и прежде. По субботам приходила прибраться, вымыть пол. Рассказывала про свои дела в школе, и казалось, он меня слушает.

Тягостно видеть, как угасает сильный человек. Не покидала мысль, что мог он прожить эти годы иначе, не в болезни. Последнюю весну дедушки я не увидела. Жила в Вологде, училась на первом курсе. Бабушка в одиночку, после его смерти, не могла жить в доме. Там было холодно, топить надо много, а значит, больше дров запасать, колоть, укладывать. Перебралась в половинку неподалеку. Сюда приходила просто проведать дом, поработать на огороде, протопить баню, заглянуть в пустующий хлев, он теперь был вместо сарая. Скотину убрали в последние годы болезни деда.

В 2015 году в Ломоватке, наконец, решили построить церковь. Храм воздвигли неподалеку от дома. Каждое воскресенье ходила бабушка на службу, молилась за деда, за упокой его души. Молилась за здоровье всей семьи. Хотелось ей родственников объединить – разъехались по городам, виделись редко. Всем бабушка звонила, за всех переживала. Пенсию свою отправляла детям и внукам. Сварит себе супу, картошки – тем и жила.

Последняя с ней встреча случилась в феврале 2018 года. Бабушка приезжала в Вологду. Сидели с ней, обедали. Она показала, как надо дышать при родах, ведь уже в апреле должен был появиться на свет еще один ее правнук. Похвалила мой пересоленный суп, тихонько грызла орешки в шоколаде, запивая чаем. Смеялась, а ведь болела. Перед уходом я помогла ей одеться, а она меня перекрестила.

Дом номер пять теперь пустует. Пока сил нет – туда приехать. Пылятся книги, завешены плотными шторами большие окна, давно не топленая печь.

Дом всегда был неуютным и пугающим, и пережито здесь немало. Я поняла главное – не имеет значения то, что не сбылось. Ничего уже не изменить. Важнее – помнить о тех, без кого нынешняя моя жизнь, и всей нашей семьи, была бы невозможной. Потому и пишу этот рассказ. Беречь память о предках и быть их достойными. Вот что теперь имеет значение.

В документальном рассказе «Дом памяти» использовалась статья журналистки Анжелины Федоровой «МИРЪ, ушедший с бабушкой...» (газета «Вьль Туйод», Республика Коми, Удорский район, публикация от 30 октября 2017 года).

Патроны

Ниночка проснулась, как обычно, по будильнику, ровно в семь. Сладко потянулась и еще немного полежала в кровати, обдумывая планы на грядущий субботний день: «Сначала уборка – это даже не обсуждается, затем схожу на рынок, куплю Кузе с Пушком костного остатка и путассу, ну, а вечером – репетиторство, придет Сережа Раскольников, будем повторять с ним интегралы». Радуюсь такому четкому и понятному расписанию на день, Ниночка аккуратно вылезла из-под одеяла. Правой ногой она начала шарить по ковру в поисках куда-то задевавшихся тапок. «Растяпа! – ругалась про себя. – От тебя даже тапки сбежали!» Наконец, путаясь в длинном подоле хэбэшной ночнушки, она шустро протопала в ванную. Подслушав, что хозяйка встала, с кухни принеслись два здоровенных кота. Уселись у двери в ванную и начали мявкать наперебой, соревнуясь, кто кого переорет.

– Иду, иду, троглодиты! Со свету меня сживете, если не накормлю! – прокричала им Ниночка из-за дверей, спешно вытирая умытое лицо полотенцем. Надела широкие, в пол-лица, очки в черной оправе и старательно расчесала свое русое каре, слегка меченое сединой.

– Ну, как я, еще ничего? – с надеждой спросила она у зеркала, разглядывая собственные густые, будто вздернутые в удивлении брови, остренький носик и тонкие бледные губы на худощавом, с высокими скулами лице. – Молчишь? Понимаю. Пятьдесят пять – это тебе не шутки! А раньше я была хороша...

Нина заулыбалась отражению, и легкие морщинки разбежались по лицу.

«А как танцевала и пела... Эх! – Ниночка мечтательно закатила серые глаза, припоминая веселую молодость в коллективе художественной самодеятельности при средней школе, в которой вот уже тридцать лет она трудилась учителем математики. И изобразила пару танцевальных движений, отражаясь в зеркале довольно стройной фигуркой...

Сменив ночнушку на старенький, но очень чистый халат, Нина протопала на кухню, сопровождаемая Кузей и Пушком, оптимистично напевая: «А знаешь, все еще будет, южный ветер еще подует, и весну еще наколдует, и память перелистает...» – и первым делом выскребла котам остатки путассу из холодильника. Несносные животные тут же разодрались между собой. Нина схватила за шиворот Кузю и вышвырнула на балкон со словами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.